

«Если вы услышали историю или розыгрыш и не знаете, кто их сочинил, припишите их Бернарду Шоу или Никите Богословскому», — признался мне скромный Никита Владимирович. Видимо, в 84 года композитор, прославившийся не только музыкой, но и шутками, может сказать о себе и такое.

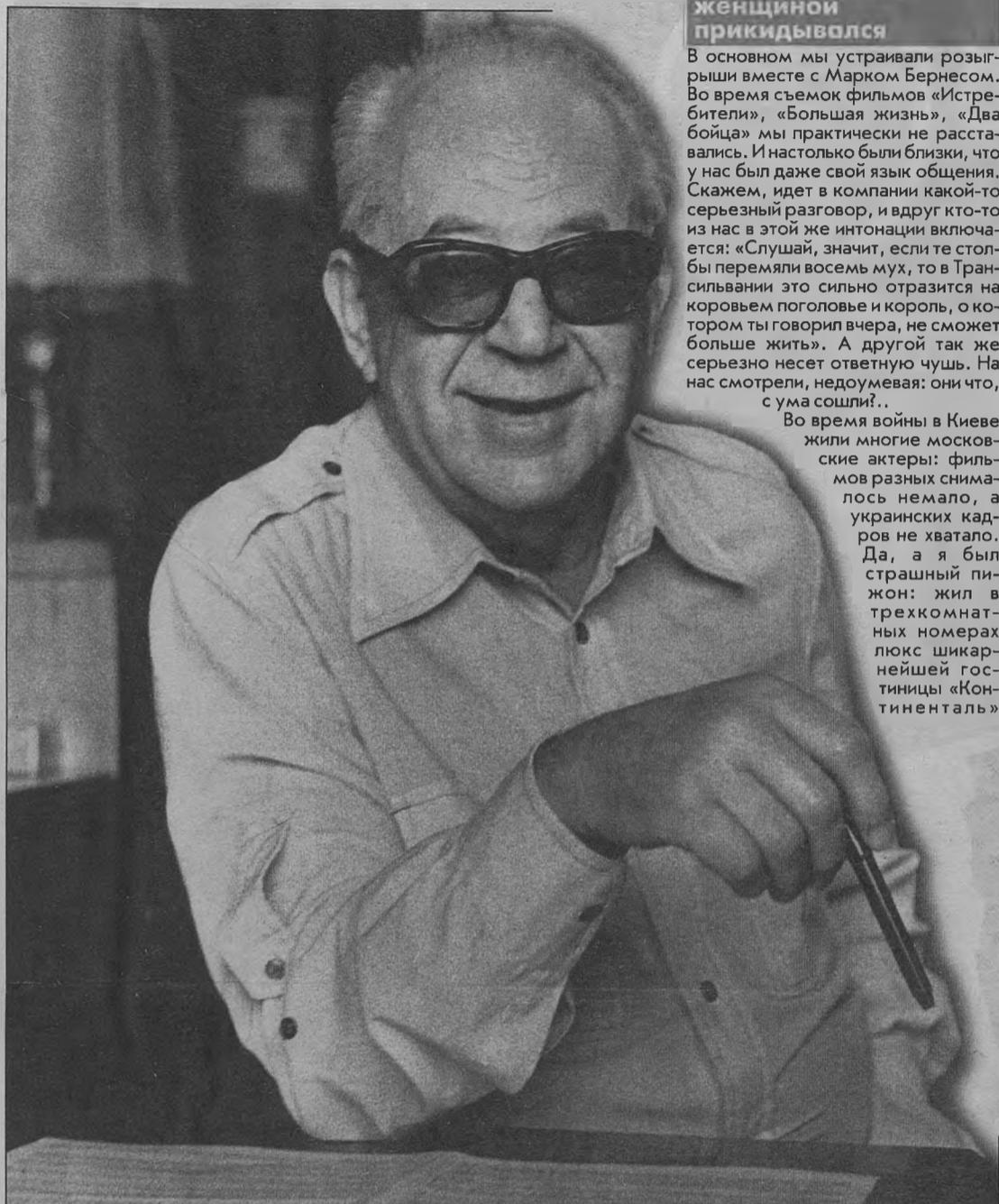

Фото Сергея Жабина

Лужков просил его остаться

Как актеры посылали меня на три буквы
— Мне кажется, я разыгрывал всю жизнь, начиная со школьных времен. И до войны, и во время ее. Хотя в войну это были не столько розыгрыши, сколько шутки. Как раз в то время я писал музыку к фильму «Александр Пархоменко» режиссера Лукова. Он мне и говорит: давай, мол, напиши пародийную песенку о женихе и невесте, о свадьбе на фронте. Я довольно быстро набросал мелодию, и мы стали искать поэтов, а их нет: кто на фронте, кто в эвакуации, а время поджимает. И я тогда думаю: черт его знает, может, самому попробовать? И написал — полнейшую хреновину, абсолютную чепуху:
Лучок да картошка,
огурчик соленый —

мировая закуска в огороде
растет.
Что нужно мне в жизни —
лишь садик зеленый,
свой зеленый садик-огород.
Родная калитка,
окно с занавеской,
хризантемы в горшочках,
петушок на шести.
Галоши надену, пойду
за невестой
по соседству, рядом — за версту.
Живи, припева, моя дорогая,
я тебе здесь устрою и тепло,
и уют.
Пусть в клетке на рейке сидят
канарейки
и про счастье песенки поют.
Вот такая была мура. Понес Лукову. Думал, пошлет. А он говорит: о, это как раз то, что нужно. Стали снимать сцену, но что говорили артисты в мой адрес по поводу стихов — я просто не могу вам передать,

потому что это была сплошь ненормативная лексика. Тут, на счастье, приехал с войны поэт Женя Долматовский. Прочитал мои вирши, высказался еще более резко, чем артисты, и тут же написал: «Ты ждешь, Лизавета, от друга приветов».

Как я — пижон — женщиной прикидывался

В основном мы устраивали розыгрыши вместе с Марком Бернесом. Во время съемок фильмов «Истребители», «Большая жизнь», «Два бойца» мы практически не расставались. И настолько были близки, что у нас был даже свой язык общения. Скажем, идет в компании какой-то серьезный разговор, и вдруг кто-то из нас в этой же интонации включается: «Слушай, значит, если те столбы перемяли восемь мух, то в Трансильвании это сильно отразится на коровьем поголовье и король, о котором ты говорил вчера, не сможет больше жить». А другой так же серьезно несет ответную чушь. На нас смотрели, недоумевая: они что, с ума сошли!..

Во время войны в Киеве жили многие московские актеры: фильмов разных снималось немало, а украинских кадров не хватало. Да, а я был страшный пижон: жил в трехкомнатных номерах люкс шикарной гостиницы «Континенталь»

чтобы не платить за гигантский номер, переехал в более скромный, а туда, в шикарнейший, поместили только что приехавшего и назначенного в Киев министра внутренних дел Украины знаменитого Серова, бериевского мужика, который потом на войне командовал СМЕРШем. Но обошлось! И только когда актеры шли на ночную съемку, стучали в дверь: «Богословский, собирайся с вещами». Но самое смешное было потом, когда на приеме в каком-то посольстве я встретил Серова и рассказал ему эту историю. Представляете, что он мне ответил: «Надо же, а я так ждал!»

Как мы евреев выселяли

Обычно вечером мы возвращались с актерами после съемок и собирались в номере: пели песни, рассказывали байки, выпивали до самого утра. А по соседству жили два еврея-бухгалтера из Житомира, которые приехали в Киев сдавать авансовый отчет. 11 часов подходит — они стучат. Нам это дело надоело, и Марк придумал очень хорошую штуку. Он позвонил к ним и строгим голосом спросил: «Товарищи, вы члены партии?» Те ему радостно: «Да!» Он: «Я главный администратор гостиницы. Сейчас должна приехать иностранная делегация, а у вас в анкетах написано, что вы обязаны освободить номер для иностранцев, так как проживаете в гостинице «Интурист». Но вам сделали одолжение — мы разместим вас внизу, в Красном зале, там никого нет, уже все постелено. Вы переночуете там одну только ночь, а потом переедете обратно. Только накиньте на себя пальто и, как есть, идите туда». И вот, значит, эти господа открывают дверь в Красный зал: ярко освещенное помещение, столы буквой «П» — все начальство города чувствует знаменитого американского летчика Чарльза Линдберга, который первым перелетел из Америки в Париж. Он с супругой, начальство, разодетые дамы... А эти два еврея в кальсонах, штрипки волочатся по полу, доходят до перекладки буквы «П» — и все синхронно, как в финале «Ревизора», застывают... Долго искали шутников, но не нашли.

В другой раз мы были в гостях у скульптора Северского-Орлова — автора памятника Юрию Долгорукому. Мастерская его помещалась двумя этажами выше ресторана «Арагви», и мы засиделись у него с Марком до поздней ночи. Памятника тогда еще не было — стоял только камень. А мы похитили у него модель памятника и поставили эту хреновину на камень — дня три он там стоял. Когда отцы города спохватились, Северский растерялся: «Я не знаю, сам искал». Ему и в голову не приходило, что он все это время перед окном стоял. Тоже не нашли авторов. Марк вообще был человек веселый и одновременно очень душевный и теплый. Работать только с ним было

он сейчас же все внимание на нее и тихонько спрашивает Марка: «А это кто?» — «Да на гастроли приехала из Москвы — девица легкого поведения, так что вы с ней особенно не церемоньтесь». Певец говорит комплименты, целует ей ручки, шепчет: «А когда мы можем увидеться?» Она: «Приходите сегодня ровно в 12 часов, номер 412, дверь будет открыта, жду вас с нетерпением». Ровно в полночь повелас, приодевшись, открывает дверь в номер... Полумрак, в постели, закрытая почти по самую шею, лежит Паола: «Ну, что же вы медлите, раздевайтесь». Он раздевается, и в этот момент из ванны выходит голый Бернес. Называя гостью по имени-отчеству, Марк говорит: «Что вы тут делаете? Здесь живу я с женой Паолой. Как вы сюда попали?» Чем все закончилось, не знаю, потому что, как я ни спрашивал у ребят, они только заливались смехом и махали руками. А артист был очень знаменит и так разошелся, что на следующий же день переехал в другую гостиницу.

Как Сталин смотрел фильм с моей музыкой с большим животом

Мальчишкой восьми-девяти лет я был у Алика Менакера на дне рождения, мы там бегали и так расшалились, что я разбил какую-то огромную фарфоровую вазу. Стал плакать, пришел его отец. Я и говорю: «Простите меня, пожалуйста, я разбил у вас такую красивую, большую, новую вазу». Отец вздохнул, погладил меня по голове и сказал: «Не плачь, мальчик, она не такая уж и новая — ей двести лет».

А вот Утесов один раз меня сильно подвел, потому что, когда снимался фильм «Два бойца», я по глупости сыграл ему «Темную ночь». Он обычно долго все запоминал, а тут быстро выучил, поехал на фронт и стал ее там петь. И надо же такому случиться, что Луков и Бернес тоже поехали на фронт именно в это место... А там говорят: «Ну что же вы старую песню привезли?» Луков и Бернес жутко разошлись — был закон: до выхода фильма песни не петь... Обошлось, но они обиделись, конечно. Утесов так перепугался, что «Шаланды» не стал записывать, в его исполнении этой песни нет. Даже клятву дал: если предлагали типично утесовскую песню, но ее спел Марк, он не брал — «после Бернеса это уже на устах». И правильно, два таких крупных артиста не могли соревноваться. Бернес тоже утесовских вещей не пел... С правителями я особенно не дружу. Не нравятся мне правители: сегодня одни, завтра другие, потом начнут говорить, что подлизываюсь. Хрущев часто просил персонально, чтоб я приезжал, а потом почему-то стал считать меня формалистом. Брежнев обожал мои песни, но лично с ним я никогда не встречался. Вот Сталин меня терпеть не мог. Если б еще полгода пожил, меня бы точно куда-нибудь услали. Докладывали ему о всех шутках, розыгрышах, а он этого дела не любил. И когда вышло постановление ЦК (вы, наверное, в школе учили) по «Большой жизни», про музыку было написано следующее: «В фильм введены песни, проникнутые кабацкой меланхолией и чуждые советским людям». Это «Спят курганы темные» и «Три года ты мне снилась». Вообще произошла странная вещь: фильм был запрещен, а песни исполнялись, их пели, совершенно не зная, откуда они. Александр Кузнецов, бывший заместитель Фурцевой (а до этого помощник у Жданова), рассказывал, как там все это обсуждали. Жданов посоветовал написать в постановлении, что мои песни проникнуты вертинщиной, на что Сталин резонно ответил: «Ну что же, мы недавно пустили Вертинского обратно на родину, а теперь будем его опять поносить? Богословский молодой, он потерпит». Но самое смешное было с картиной дальше. Тот же Кузнецов рассказывал, что Сталин смотрел картину с большим животом и был недоволен буквально всем. Потом заметил, что в картине нигде нет ни портретов, никаких прославленных в его честь, взял и ушел, никому ничего не объяснив.

С Лужковым — хорошие отношения. Когда моим именем планету назвали, я ему написал: «Оплачивать квартиру денег нету, может, переехать мне на ту планету». А он мне в стихах ответил: «Не уезжай, прошу тебя, Никита...» Вот я и не уезжаю.

Подготовила Татьяна НЕМОЙКИНА.